

Фото: Давид Френкель

18.05.2020, 09:41 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

Новые поправки в стратегию по противодействию экстремизму: что изменится и чего ждать?

МВД подготовило поправки в Стратегию противодействия экстремизму до 2025 года. Большой упор в документе делается на противодействие международным неправительственным организациям, которые, по мнению МВД, способствуют дестабилизации обстановки в России. О важных аспектах этих поправок рассказывают старший юрист ОВД-Инфо Надежда Кузина и директор информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский.

Стратегию противодействия экстремизму до 2025 года утвердил еще в 2014 году президент России Владимир Путин. В стратегии сказано, что экстремизм является одной из угроз национальной безопасности России. Он проявляется в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языковой, религиозной или социальной группе. А также в вовлечении в деятельность экстремистских групп или организаций, в проведении несогласованных акций, организации массовых беспорядков и совершении террористических актов.

Бороться с экстремизмом предполагается при помощи мониторинга его проявлений, совершенствования законодательства и правоприменительной практики, усилению мер по профилактике экстремизма и информационному противодействию. Сама стратегия по противодействию экстремизму состоит из трех этапов.

На первом — в 2015 году — предполагалось определить направления дальнейшего развития законодательства в сфере противодействия экстремизму. На втором — намеченном на 2016–2024 годы — принять законы и иные нормативные правовые акты, которые помогут в борьбе с экстремистской угрозой. Третий этап запланирован в 2025 году — тогда будут подведены результаты реализации стратегии.

24 марта на сайте МВД **появилась** новость о том, что министерство предлагает актуализировать стратегию. Для общественного обсуждения документ **опубликовали** на Федеральном портале нормативных правовых актов. Против предложений МВД уже **проголосовали** не менее трех тысяч человек, после того как на изменения обратила внимание «Открытая Россия». Высказываются опасения, что принятие изменений ограничит свободу собраний, свободу слова в интернете и усилит репрессии против

религиозных меньшинств.

В 2014 году — когда принимался основной документ Стратегии, многие формулировки удалось скорректировать благодаря **обсуждению** с Советом по правам человека (СПЧ). Сейчас же многое из того, что не вошло в первоначальную версию, решили вернуть.

На сайте МВД **не уточняется**, что стало предпосылкой к внесению изменений. Но отмечается, что большое внимание будет уделено выявлению фактов распространения радикальной идеологии в СМИ и интернете в целом. Также большой акцент делается на противодействие экстремизму при помощи образовательных организаций и институтов гражданского общества.

Старший юрист ОВД-Инфо Надежда Кузина:

«Одним из основных способов дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации становится привлечение различных групп населения к участию в несогласованных публичных мероприятиях (в том числе протестных акциях), которые умышленно трансформируются в массовые беспорядки», — сказано в поправках к стратегии.

Что касается поправок на право на свободу собраний — мы можем понимать, откуда они взялись, если иметь в виду последние новости — вот люди **во Владикавказе вышли на улицу**. Власти понимают, что **лето 2019 года** произошло не просто так.

Про несогласованные акции — это не новинка, но они добавили, что экстремизмом является и организация таких акций. Теоретически, за это могут привлекать

публичных лиц, которые публикуют посты в фейсбуке.

Изменений коснется не только право на собрание и ответственность за реализацию этого права, но и скорее всего будут существенные поправки в отношении внесудебных блокировок. То есть блокировать ресурсы будут, если посчитают, что каким-то образом там содержатся материалы, носящие экстремистский характер. Расширится скорее всего субъектный состав: помимо Роскомнадзора, могут появиться иные инстанции. Это очень важно, я считаю.

«Наиболее опасные виды экстремизма проявляются в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего через информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть „Интернет“, в вовлечении отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп, в организации и проведении несогласованных публичных мероприятий (в том числе протестных акций), массовых беспорядков, подготовке и совершении террористических актов», — говорится в тексте стратегии.

Что очень важно — они включили в этот пункт, что под экстремизмом понимается разжигание вражды и ненависти из-за принадлежности к какой-либо социальной группе. Между прочим, эта фраза существует в 282 статье Уголовного кодекса и от этого идут большие проблемы.

Правоприменитель считает, что чиновники и полицейские у нас являются социальной группой. В итоге они трактуют выход и призыв сплотиться и сказать, что чиновники из этого министерства — негодяи — как экстремистский.

Это очень опасно, потому что законодательно у нас не прописано, что такое самое понятие — социальная группа, поэтому его трактуют как хотят.

Исходя из поправок в стратегии, скорее всего будут ужесточены правила работы НКО — за их деятельностью будет установлен еще больший контроль. Я насчитала там порядка шести пунктов, и все касаются того, как международные российские благотворительные организации, «прикрывающиеся благими проектами», портят социально-экономическую и общественно политическую обстановку. Возможно, многие правозащитные либо занимающиеся какими-то культурными проектами организации будут просто закрыты.

Еще хочу отметить, что в концепции сделан упор на «традиционные ценности» и их сохранение. Вероятно, последуют масштабные изменения в системе образования.

Задержание участника ЛБГТ-акции в Петербурге / Фото: Давид Френкель

Многое из того, что сказано в стратегии, было. Но главное — это акцентирование внимания. Если раньше было несколько раз — протестная акция, то теперь они ввели еще то, что часто роль в этих акциях играют зарубежные какие-то организации, либо российские «прислужники» этих зарубежных организаций. Вот на этом акцентируют внимание.

На эту стратегию будут обращать внимание как силовые структуры, так и суды. Для последних это, конечно, не прямая указка, но негласная. Поскольку они, конечно, не должны обращать на нее внимание при вынесении решений.

В пояснительной записке сказано, что сама стратегия не влечет изменения законодательства. Но после принятия прошлой стратегии изменили Уголовный кодекс. Скорее всего, и в этом случае будет так же.

Директор информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский:

Из плюсов можно выделить то, что больший акцент делается в основных понятиях — на насилие. Больше чем раньше — чем в действующей версии. Может быть приведет к тому, что сотрудники будут обращать больше внимания именно на это. Это внушает некоторую надежду, [на то что станет меньше дел за высказывания, которые не призывают к насилию].

Также появляется фраза о том, что среди мер профилактики экстремизма должно быть противодействие дискриминации. Это вообще надо где-то написать большими буквами, но боюсь, что буквы не очень большие.

Явных минусов я вижу три.

Первое — тут больше слов, чем в действующей стратегии, написано про «дурное» влияние некоммерческих организаций (НКО). В первую очередь — иностранных и международных.

Второе — это про традиционные ценности, которые полагается защищать в рамках противодействия экстремизму. Что немного странно — скажем так. С одной стороны, можно понять, как мысль авторов двигалась, но понято это однозначно будет как необходимость преследовать каких-нибудь недостаточно нравственных и традиционных людей.

Третье — это отсылка: что нужно продвигать на международной арене новую антиэкстремистскую конвенцию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Она была принята в 2017, Россия ратифицировала ее в прошлом году.

В ней говорится о возбуждении — национальной, религиозной, еще какой-нибудь вражды как о проявлениях экстремизма. И в том числе, через запятую, о политической и идеологической вражде. Чего нет

в нашей родной 282-й статье.

В стране все-таки считается, что действия — мотивированные политической враждой — должны более серьезно наказываться, но сама по себе эта вражда — никак не криминальна. Конвенция ШОС предполагает более жесткую норму. Она на уровне российского законодательства пока никак не воплотилась, но похоже, кому-то хочется это сделать.

Осталось только подготовить законодательство. Но теперь требуется какое-то дополнительное усилие, для того, чтобы убедить. Не нас, вероятно, а друг друга — на уровне руководства — что пора эту норму из конвенции внедрять в национальное законодательство.

Но в самой стратегии нет слов про политическую вражду; там говорится о том, что надо продвигать всячески эту новую конвенцию ШОС. Может, здесь никакого намека на это и не содержится. Возможно, я излишне подозрителен. Но эти отсылки к конвенции ШОС очень настораживают — потому что это тогда выходит на какой-то новый уровень.

Первомайское шествие в Санкт-Петербурге, колонна «Другой России», 2019 год / Фото: Давид Френкель

Во-первых, надо понимать, что это не нормативный документ, поэтому здесь формулировки как таковые не так сильно важны. Стратегии все эти существуют для того, чтобы описывать предметное поле — чем ведомство должно заниматься. И расставлять акценты. Если, грубо говоря, какое-то слово встречается чаще, наверное оно важнее.

По стратегии как таковой никого нельзя преследовать. Она написана для начальников правоохранительных органов, которые должны на нее обращать внимание.

Но сама по себе стратегия — это не тот документ, на который надо сильно обращать внимание. Это не законодательство. Любое, даже маленькое изменение в законодательстве важнее, чем вот эти документы, которые пишутся для чиновников все-таки. Но тот факт, что упор сделан на влияние международных иностранных организаций и на традиционные ценности, которые надо защищать, [вызывает опасение]. Это нам показывает, куда будет поворачивать примерно активность Центров Э.

Ну и нужно войти в положение людей. У них же уличных насильственных преступлений стало заметно меньше — работы стало меньше. Привлекать за интернет-призывы стали в уголовном порядке существенно меньше. Осталось очень многочисленная административка — но это как-то не то. Ведомство должно себя чем-то занимать. Они, наверное, будут тематически расширяться. Но возможно, и не так уже сильно — здесь надо тоже не увлекаться.

Потому что и сейчас ЦПЭ ведет административные дела — по этому законодательству о нежелательных организациях, о связях с этими «вредными» иностранными НКО. Кроме «Открытой России» есть и **другие организации**. И развития в эту сторону можно ожидать.

Каких-то революционных изменений в тексте при этом нет. Не видно, почему это действительно надо было срочно делать. Может быть, здесь никакой важной причины нет. Некоторое время назад **сменилось руководство** в ГУПЭ, и возможно, новое начальство, посмотрев по сторонам, решило что-нибудь обновить в документе. Но я не вижу из текста, ради чего это написано. Ради чего взялись сейчас изменять стратегию.